

Александр КОВАЛЕНКО

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ТРИЖДЫ ГЕРОЯ

В жизни советского аса Ивана Кожедуба были эпизоды, о которых не писали его биографы

В истории советской авиации есть люди, известные, наверное, всем. Один из них — лучший советский ас, трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб — в годы Великой Отечественной сбивший, по официальным данным, шестьдесят два, а по неофициальным — более сотни вражеских самолётов. О нём написаны десятки книг и сотни статей. Казалось бы, биография лётчика изучена вдоль и поперёк. Однако некоторые эпизоды из его жизни так и остались неизвестными широкой общественности. Эти истории я узнал, что называется, из первых рук — от самого Ивана Никитовича, с которым мне посчастливилось дружить более двадцати лет, или от его ближайших родственников.

Познакомился я со знаменитым воздушным бойцом в 70-х годах прошлого века, когда служил заместителем председателя редакционного совета при Группе генеральных инспекторов Министерства обороны. Наши приятельские отношения длились до самой смерти Кожедуба в 1991 году.

В одной из бесед с асом я заговорил о том, что, наверное, уже набило у него оскомину — о количестве сбитых им вражеских машин. Меня интересовало, соответствует ли действительность число его официальных побед — 62.

Улыбнувшись, Кожедуб покачал головой:

— На самом деле сбил я несколько больше. Сто четыре, а уж если быть совсем точным — сто семь. Правда, здесь не только вражеские самолёты, но и три союзнических — американских тяжёлых бомбёра Б-17, с ними мне пришлось разобраться под Берлином в начале мая сорок пятого.

— Сбили американцев? — удивился я. — По ошибке?

— Нет, намеренно. Честно сказать, поделом им досталось. Причём к нам даже никаких претензий быть не могло — всё мы сделали законно. Конечно, влепило мне начальство

Иван Кожедуб

строгий выговор, но этим дело и ограничилось.

Грешным делом, я не поверил Ивану Никитовичу, подумал — погибает маршал. Все обстоятельства этой истории мне стали известны лишь спустя довольно продолжительное время.

Однажды я поинтересовался, где и с кем провёл Кожедуб свой последний воздушный бой.

— Вы знаете, — ответил мне маршал, — в моей книге «Верность Отчизне» есть небольшая глава «Последний бой». Так вот, всё, что в ней написано, — неправда. На самом деле свой последний бой я провёл не с немцами, а с американцами, с теми самыми, о

которых я вам как-то говорил. Всё было так: наши войска уже взяли Берлин и продвинулись далеко на запад. Вдруг служба ВНОС передаёт: над территорией, занятой нами, летят около сотни американских «летающих крепостей». Зачем? Почему? Что у них на уме? Неизвестно! На запросы не отвечают! Подняли под моей командой несколько истребителей. Думали — увидят нас янки и опомнятся. Подлетаем к ним — никакой реакции.

Вообще в конце войны американцы нередко наносили удары по немецким заводам, оказавшимся в советской зоне оккупации, чтоб нам целыми не достались. А потом оправдывались: мол, мы не знали, что

эта территория уже контролируется русскими. От таких налётов сотни наших солдат погибали. По-видимому, подобный рейд и решили совершить встреченные нами Б-17.

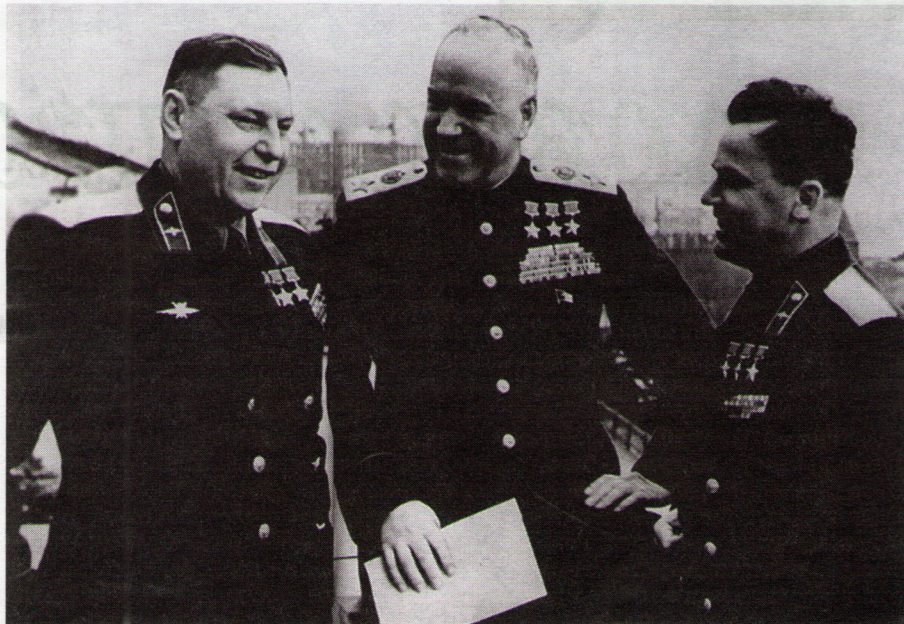
Раздумывать некогда! Отдаю приказ своим ребятам открыть предупредительный огонь. Американцы в ответ начали стрелять по нам на поражение. Делать нечего — пришлось атаковать по-настоящему. В считанные минуты завалил три «летающие крепости». Только тут янки опомнились и начали уходить... Мне командование потом строгача вlepило, а зря. Во-первых, мы всё по правилам сделали; во-вторых, союзники с жалобами по поводу этого инцидента к нам так и не обратились.

ЛИ-СИ-ЦЫН

Эта встреча в небе Берлина была не единственным эпизодом в биографии Кожедуба, когда ему пришлось сражаться с американцами. В советские времена ходили лишь смутные слухи, что авиадивизия под его командованием принимала участие в Корейской войне. Открыто писать об этом стали лишь в последние годы. Я же ещё в далёкие 80-е годы прошлого века решил разузнать об участии в корейском конфликте у самого Ивана Никитовича.

— Весной 1951 года, — начал свой рассказ маршал, — я командовал авиадивизией, вооружённой новейшими МиГ-15. Газеты, радио тогда ежедневно сообщали о варварских американских бомбардировках территории КНДР. В конце концов, правительство этой страны обратилось за помощью к СССР. Стали отбирать добровольцев, в том числе и в нашей дивизии. Как это водится: «Кто, мол, желает помочь нашим братьям по классу?». Пожелали все. Так и оказалась моя дивизия в полном составе в Корею. Ну, а дальше всё было как в приключенческом романе. Переодели нас в форму корейцев, на самолётах нарисовали их опознавательные знаки. Мало того, каждому лётчику дали корейское имя. Мне, например, досталось — Ли-Си-Цын. И смех, и грех! Ребята смеются: «Тяжко, мол, в бою придётся — одна рука будет занята, чтобы глаза придерживать, иначе на корейца похож не будешь!».

К боям с противником готовились мы серьёзно, думали: американцы — лётчики хорошие, а оказалось совсем наоборот. Сам я в боевых вылетах не участвовал, мои же подчинённые летали часто. Первый воздушный бой провели 12 апреля 1951 года. Дежурная эскадрилья из десяти МиГов под командой капитана Сергея Краморенко поднялась на перехват полусотни Б-29 в сопровождении десятка истребителей. Наши ребята численного превосходства противника не

Трижды Герои Советского Союза — Покрышкин, Жуков, Кожедуб

испугались и пошли в атаку. С первого захода четыре бомбёра завалили. Потом ещё два и истребитель в придачу. Через несколько минут, потеряв шестнадцать машин, янки ретировались.

После этого случая наши лётчики американцев уже не опасались и лупили их как хотели. Боевой счёт моей дивизии говорит сам за себя — 264 сбитых вражеских самолёта, из них около ста — Б-29. Наши потери за два года составили восемь МиГов, да и то все пилоты сумели катапультироваться и остались целы и невредимы.

На поверку янки оказались лётчиками менее умелыми, чем мы. Редко когда среди них попадались мастера воздушного боя. Причём почти все хорошие американские пилоты, с которыми нам довелось встретиться в воздухе, оказывались неграми. В чём уж тут дело — не знаю!

СМЕРТЬ ПО СЕМЕЙНЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Иван Никитович Кожедуб, грозный боевой лётчик, в быту был человеком необыкновенно мягким и из-за этого частенько попадал под каблук своей жены Вероники. Хотя легендарный ас прожил с ней долгую и достаточно счастливую жизнь, она нередко попиливала маршала. Одна из таких ссор стала косвенной причиной смерти прославленного лётчика. Он умер в июле 1991 года, быть может, к счастью для себя, не дожив всего нескольких месяцев до распада СССР, которому служил всю жизнь. В некрологе, напечатанном во всех центральных газетах, указывалось: маршал авиации Иван Никитович Кожедуб скоропостижно скончался на 72-м году жизни. Термин «срокпостижно скончался» не расшифровывался. На самом деле трижды Ге-

рой погиб в результате несчастного случая.

Незадолго до смерти жена устроила Кожедубу выволочку, обвинив его, как обычно, в том, что тот мало внимания уделяет ей и семье, совсем себя не бережёт, посвящая всё своё время общественной деятельности. Результатом этого скандала стал сердечный приступ, и Ивана Никитовича госпитализировали. Через десять дней, выйдя из больницы, он получил дома продолжение «банкета» от своей жены. В этот же день в сильно возбуждённом состоянии маршал вместе с супругой и в сопровождении адъютанта отправился на дачу. По дороге ссора продолжилась. За городом Кожедуб, чтобы успокоиться и побыть одному, решил повозиться в гараже со своим автомобилем.

В это время жена и адъютант находились в доме — готовили обед. Иван Никитович закрылся в гараже, поднял переднюю часть своей «Волги» домкратом, подлез под машину и начал протягивать болты подвески. Будучи в возбуждённом состоянии, он, видимо, сгоряча переусердствовал и усиленно нажал на гаечный ключ. Полутонна машина соскочила с домкрата и упала на Кожедуба. Только через 20 минут адъютант нашёл своего начальника мёртвым с раздавленной грудной клеткой.

После были торжественные похороны на Новодевичьем кладбище. В них участвовал и я. Однако через некоторое время жена Кожедуба пригласила меня на повторные... похороны мужа. Оказалось: по её просьбе, останки Ивана Никитовича решили перезахоронить рядом, вернее, напротив могилы ещё одного прославленного советского аса — маршала авиации Александра Ивановича Покрышкина.